

DOI:
Оригинальная исследовательская статья
Original research paper

Цифровизация и проблема антроподицеи: читая Андрея Платонова*

Г.Л. Тульчинский
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», Санкт-Петербург, Россия
Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия

Аннотация

Статья представляет попытку выявить главное содержание осмысления А. Платоновым антропологических следствий радикальной трансформации социального бытия в годы «Великого перелома». Это осмысление важно своим масштабом и глубиной. А. Платонов одним из первых обратил внимание на типологическую общность советского и германского тоталитаризма. Такая общность коренится не только и не столько в дизайне политических режимов. Наоборот – сам этот дизайн порожден возможностями бес- и вне-человеческого рационалистического активизма в массовом обществе. Тексты Платонова 1929–1934 гг. посвящены не столько массовому коллективизму, политике и социально-культурному переустройству, сколько антропологии, возможности переустройства человека как такового в его единстве с космосом. Главная идея этих текстов – единый универсальный способ бытия человека вообще, включая живых и мертвых. Платонов глубоко продумал и прочувствовал в этих текстах ясность полной пустоты бесчеловечности доктринерского рационалистического активизма, который принят в качестве практической максимы общечеловеческой воли. Этот корпус текстов представляет не антиутопию как некое представление о возможном будущем, а шок от столкновения с неожиданно наставшим неоднозначным будущим, тоску и страдания от попыток понять его. Попытки такого осмысления приводят к необходимости новой антроподицеи как оправдания бытия человека перед лицом его ненужности и исчерпанности. В этом плане результаты платоновского осмысления чрезвычайно актуальны примени-

* Исследование выполнено в рамках гранта РФФИ (№ 18-18-00442) «Механизмы смыслообразования и текстуализации в социальных нарративных и перформативных дискурсах и практиках» в Балтийском федеральном университете им. И. Канта.

тельно к анализу гуманитарных факторов и следствий современной цифровизации практически всех сфер жизни, а также в плане поиска новых оснований человеческого бытия в этих условиях. Творчество Платонова оказывается более актуальным, чем алармизм философов франкфуртской школы критической социальной философии и чем современные хорроризации цифровой постчеловечностью и трансгуманизмом. Актуальность эта обусловлена глубиной поднятых им тем и вопросов, содержание которых только начинает открываться в наши дни.

Ключевые слова: антропология, самосознание, телесность, утопия, цифровизация.

Тульчинский Григорий Львович – доктор философских наук, заслуженный деятель науки РФ, профессор Санкт-Петербургского государственного университета, профессор Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (филиал в Санкт-Петербурге).

gtul@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-5820-7333>

Для цитирования: Тульчинский Г.Л. Цифровизация и проблема антроподицеи: читая Андрея Платонова // Философские науки. 2020. Т. 63. № . С. . DOI:

Digitalization and the Anthropodicy Problem by Andrei Platonov*

G.L. Tulchinskii
National Research University Higher School of Economics, Saint
Petersburg, Russia
Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

Abstract

The article presents an attempt to identify the main content of A. Platonov's understanding of the anthropological consequences of the social life radical transformation during the "Great Turnaround" years. This comprehension is important in its scale and depth. A. Platonov was one of the first to draw attention to the typological unity of Soviet and German totalitarianism. Such a unity is rooted not only and not so much in the design of political regimes. On the contrary, this design itself is generated by the possibili-

* RSF project № 18-18-00442 "Mechanisms of sense formation and textualization in social narrative and performative discourses and practices", Immanuel Kant Baltic federal university, Kaliningrad, Russia.

ties of inhuman rationalistic activism in mass society. The A. Platonov texts from 1929–1934 are devoted not so much to mass collectivism, politics and socio-cultural reorganization, as to anthropology, the possibility of reorganizing man as such in its unity with the cosmos. The main idea of these texts is a single universal way of being of a person in general, including the living and the dead. Platonov deeply thought through and felt in these texts the clarity of the complete emptiness of the inhumanity of the doctrinaire rationalistic activism, which is accepted as a practical maxim for the universal human will. This texts corpus does not represent dystopia as a certain idea of a possible future, but the shock of a collision with an unexpectedly ambiguous future, longing and suffering from attempts to understand it. Attempts to such an understanding lead to the need for a new anthropodicy as a justification for a person's being in the face of his uselessness and exhaustion. In this regard, the results of Platonic understanding are extremely relevant in relation to the analysis of humanitarian factors and the consequences of modern digitalization of practically all spheres of life, as well as in terms of searching for new foundations of human life in these conditions. Platonov's works turn out to be more relevant than the alarmism of philosophers of the Frankfurt school of critical social philosophy, as well as modern horrorization by digital posthumanism and transhumanism. This relevance is due to the depth of the topics and questions raised by him, the content of which is only just beginning to open today.

Keywords: anthropology, corporeity, digitalization, utopia, self-consciousness.

Grigori L. Tulchinskii – D.Sc. in Philosophy, Honored Researcher of the Russian Federation, Professor, Saint Petersburg State University; Professor, National Research University Higher Schools of Economics (Saint Petersburg branch).

gtul@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-5820-7333>

For citation: Tulchinskii G.L. (20120). Digitalization and the Anthropodicy Problem by Andrei Platonov. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki*. Vol. 63, no. , pp. . DOI:

Введение

Облик современной цивилизации определяет цифровизация – разработка и использование технологий, основанных на идеях дискретности, алгоритмичности, вычислимости, программируемости. В духе О. Тоффлера [Toffler 1984] вполне можно говорить о «четвертой цивилизационной волне». Компьютерные и

информационно-коммуникативные технологии, медиализация в цифровом формате, в сочетании с развитием искусственного интеллекта и интернета вещей – пронизывают все сферы современного социума – от бизнеса и политики до искусства и личной жизни.

Как у любого достижения цивилизации, у цифровизации довольно быстро обнаружились неоднозначные последствия. Первоначальная эйфория по поводу «открытого общества», «электронного правительства и гражданского участия», возможности личностной самореализации довольно быстро сменилась алармом с элементами хорроризации. Такие неоднозначные последствия цифровизации, как отождествление знания и информации в образовании, сведение содержания к набору реквизитов в науке, радикальные изменения в занятости, вытеснение способности к рефлексии и аргументации геймерскими навыками и т.п., известны, широко обсуждаются на различном уровне.

Однако, как представляется, задача заключается в том, чтобы «не плакать и не смеяться, а понимать». Цифровизация – мощный фактор трансформации цивилизации, буквально – изменения ее формата, и тем самым – существенный вызов философской антропологии, осмыслению роли и места человека в этом новом формате отношений с миром и социумом. История, в том числе относительно недавняя, дает примеры радикальных трансформаций этих отношений, а также попыток осмысления их причин и следствий. Интересный и важный материал в этом плане дает творчество А. Платонова конца 1920-х – середины 1930-х гг., ставшего свидетелем таких радикальных трансформаций и оставившего их нетривиальное осмысление. Речь идет о периоде, получившем название «Великого перелома», когда большевики, пришедшие к власти, возглавив фактически крестьянскую революцию, а затем утвердившиеся у власти в результате НЭПа, позволившей преодолеть разрушительные последствия военного коммунизма и гражданской войны, давшей возможность окрепнуть крестьянству, возродившей городскую буржуазию, перешли к реализации упрощенно понятого марксистского «научного социализма», вылившейся в грандиозное насилие и формирование тоталитарного социума.

В данной работе предпринята попытка найти ответы на три основных вопроса:

1. Чем отличается платоновское осмысление «Великого перелома» от достаточно большого корпуса отечественной литературы того времени?

2. В чем именно состоит нетривиальный вклад А. Платонова в философское осмысление антропологических следствий радикальной трансформации способа социального бытия, позиционирования личности в социуме?

3. Какова актуальность содержания платоновского опыта, совместим ли он с трансформацией социальной реальности, вызванной цивилизационной волной цифровизации?

Осмысление перелома бытия

История советского эксперимента многократно описана. С ходом времени в его осмыслении открываются новые стороны, важные для понимания не только его целей, хода, политических и экономических последствий, но и, что, наверное, еще важнее, – для понимания его гуманитарных результатов. Многое в таком понимании открывается при обращении к художественной литературе, фиксирующей выражение чувств, переживаний, мышления и поведения в конкретном социуме в конкретную эпоху. В этом плане творчество А. Платонова – речь идет о корпусе текстов его ранних рассказов, повестей «Чевенгур» (1929), «Котлован» (1930), «Ювенильное море» (1934) и «Джан» (1934) [Платонов 2009] – резко выделяется среди русскоязычной литературы середины (второй и третьей четвертей) XX века. Прежде всего – самой стилистикой, системой образов и манерой письма, тотальным отстранением реальности, когда человек оказывается в ситуации слома привычного образа существования во имя реализации абстрактных идей.

В 1930-х гг., а иногда и в наше время, имеет место квалификация А. Платонова как сатирика, как продолжателя «щедринской» традиции [Шубин 1987; Борисова 1989] на материале осмысления хода построения и результатов «реального коммунизма». Однако сам А. Платонов в 1934 г. резко отрекся от такой оценки своего творчества [Платонов 1991, 331]. Действительно, оно намного серьезней и глубже простой критики, сатиры, язвительного гротеска.

Отношение А. Платонова к строительству социализма весьма неординарно. Практически каждый российский интеллигент начала прошлого столетия прошел через искушение «научным социализмом». Причины этого – предмет отдельного рассмотрения [Тульчинский 2018, 75–121]. Если кратко, то решающим оказался начавшийся процесс экономической и политической модернизации

ции и в этой связи – активный поиск практических ответов на вопросы общественного бытия, руководства к действию по его устройству и переустройству, альтернативному дальнейшей капитализации экономики, реализующему всеобщий и единовременный прыжок в царство справедливости. И ответы были найдены в марксизме – чрезвычайно рационалистическом и наукообразном учении, в котором говорилось о неизбежном крахе капитализма, что ему на смену придет общественный уклад, ликвидирующий частную собственность, с коллективистской моралью. Причем все это были аргументы, строящиеся на основе якобы открытых законов общественного развития, для приведения в соответствие с которыми нужно осуществить насилие над обществом, оправдываемое рационалистическим активизмом. Марксизму поверили на слово, потому что очень хотели поверить. Не являлся исключением и А. Платонов [Полтавцева 2011] с его глубокой верой в научно-технический прогресс. Однако годы «великого перелома», похоже, стали временем серьезного испытания взглядов А. Платонова, наблюдавшего трансформацию курса и ее последствия в глубинке.

Укрепившийся советский режим приступил к «окончательному решению» переделки настоящего во имя великой всеобщей справедливости. И.В. Сталиным был перехвачен предложенный Л.Д. Троцким курс на форсированный демонтаж полурыночной экономики НЭПа, коллективизацию и индустриализацию, вылившийся в грандиозное насилие над огромной крестьянской массой. В результате идея отмирания частной собственности обернулась уничтожением собственников, вытеснением крестьянства – отъемом продовольствия, выселениями («ликвидацией вдаль»), голодом, массовыми убийствами. И А. Платонов оказался в эпицентре этого радикального разрушения с целью построения нового невиданного мира, общества и человека, попытки их радикального переустройства. В 1935–1937 гг. это насилие распространилось на городское население, на творцов революции, на победителей в гражданской войне, на творцов самого великого перелома. Но об этом Большом терроре писали уже другие – А. Платонов вернулся в литературу только с Великой Отечественной войной.

В своем личном опыте обнуления старых смыслов, старой смысловой картины мира, редукции сущего к вневременной универсальности бытия А. Платонов подобен русским авангардистам (известен факт кратковременного сотрудничества А. Платонова и

Б. Пильняка), но если авангард относился к верхушечной городской культуре, то опыт А. Платонова глубже и масштабнее.

Иногда творчество А. Платонова квалифицируют как масштабную антиутопию, что также кажется не вполне правомерным. Так, С.С. Неретина в своем содержательном соотнесении творчества А. Платонова с «Мы» Е. Замятина [Неретина, Никольский, Порус 2019, 6] делает замечание, что Западный мир пошел по пути воплощения антиутопии О. Хаксли, Россия – Д. Оруэлла, Китай – Е. Замятина. Но А. Платонов неспроста не укладывается в эту остроумную типологию.

Многими и неоднократно отмечалось, что А. Платонова нелегко читать. Это автор не для быстрого чтения. Неслучайно почти сразу по возвращении А. Платонова к читателям в 1960-х гг. возникла квалификация его прозы как «философской». Однако А. Платонов выламывается и из этого ряда, к которому, например, заслуженно относится творчество Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевского. У А. Платонова осмысливается не сложившийся жизненный уклад, отношение к нему личности, возможные варианты лучшего обустройства, а феномен радикального слома, фаза лиминального перехода, в которой оказывается человек не просто при полном разрушении привычного, понятного образа жизни, а в насилии над самой человеческой природой во имя реализации выглядящих рационально привлекательными абстрактных идей.

А. Платонов пишет не столько о массовом коллективизме, о политике и социально-культурном переустройстве, сколько об антропологии, о возможности переустройства человека как такового в его единстве с космосом, о едином универсальном способе бытия человека вообще, включая живых и мертвых. Это другой масштаб и глубина. А. Платонова трудно соотнести (если вообще возможно) с какой-либо из известных философских конструкций в его промышлении и прочувствовании до самого дна достижения ясности полной пустоты бесчеловечности доктринерского рационалистического активизма, понятого в качестве практической максимы общечеловеческой воли.

Опыт обнуления человека, или Советская книга мертвых

Ключом к пониманию платоновской интуиции может служить отмечаемый многими интерес А. Платонова к возможностям науки и техники. При этом, как у Епишки в «Изобретателе света...», придумавшего аппарат, порождающий еду, так и у

Макара, не знамо как получившего железо из колодезной глины, техника воспринимается «самосевно», одновременно космично и рентно, в универсальной плоскости бытия – как по отношению к природе, так и к людям. В этом ряду естественно выглядят и «самотечные» усовершенствования природы в духе инженерного «усовершенствования» коров, и идеи утилизации живых людей и трупов. Машины и аппараты – как реальные паровозы, так и воплощения причудливой фантазии «креативных персонажей», – суть проявления некоего единого разумного смысла сущего. Другими словами, коммунизм как общество «самосежных» и «самотечных» машин предстает у А. Платонова опытом ренты от природных сил и стихий вроде «солнца – вечного пролетария», обходящихся без собственно человека. Такая смысловая картина мира близка описанной Э. де Кастро [Castro 2009] «метафизике» индейцев Амазонии, согласно которой мир един не в его природе, а само разнообразие природы суть разные воплощения единого смысла.

Человек на этом празднике самотворящего разума может быть лишним. Более того, платоновских героев объединяет невозможность терпеть обстоятельства реальности. Чепурный ускоряет время, чтобы сократить долготерпение жизни и истории. Дванов не дотерпел жизни, чтобы заранее узнать красоту того света. Невозможность терпеть настоящее делает смерть главной идеей, путем и выходом – альтернативой нестерпимому, подлежащему разрушению миру. Тяга, интерес к потустороннему, к мертвым, сопереживание им характерна для всего творчества А. Платонова. В этом он удивительно адекватен российско-советскому опыту с его стремлением к установлению в этом мире окончательного царства справедливости – а что может быть справедливее уравнивающей всех дороги в «котлован», из которого нет выхода...

В развернутой С.А. Никольским галерее платоновских героев, воплощающих «сгустки смыслов»: переустроители» (теоретики-практики), предлагающие и пытающиеся реализовать мало-вменяемые фантазмы, «искатели и попутчики», «проводники коммунизма» – невменяемые исполнители, «герои – органическая часть природы», «друзья машин», «никто и ничто», «прочие» [Неретина, Никольский, Порус 2019]. Бросается в глаза их общая черта – тотальная невменяемость и безответственность. Эти люди при всей своей иногда активности не отвечают за себя, не являются хозяевами своей жизни. Всем им свойственна без-

ответственная страсть к разрушению сущего, неспособность к социальной жизни, к признанию права другого человека на свою правду и жизнь. Даже ребенок, «живой человек для будущего», оказывается не нужен.

Вся платоновская проза – наррация об умирании, примерах смерти, а жизнь в нечеловеческом мире рождает нечеловеческий язык. Платоновская проза неспроста так необычна и трудна для чтения. Можно сказать, что она написана на языке умирающих и мертвых. В дополнение к египетской и тибетской книгам мертвых она предстает советской книгой мертвых. Во всех трех случаях речь идет о бытии после жизни, повествуя о преодолении этого бытия и достижении успокоения в небытии. Другими словами, в творчестве А. Платонова описан смертельно больной общественный организм, а болезнь эта проявляется в пафосе преодоления несовершенства человека перед «самотворящей» силой рациональности.

В платоновском корпусе текстов представлена не антиутопия, некое представление о возможном будущем, а шок от столкновения с неожиданно наставшим неоднозначным будущим, тоска и страдания от попыток понять его. И попытки такого осмысления приводят к необходимости новой антроподицеи – оправдания бытия человека перед лицом его ненужности и исчерпанности.

Самодурство тотальной рациональности

Для целей нашего рассмотрения важно понимать, что речь идет о цивилизационном феномене, связанном с реализацией неоднозначного политического потенциала массового индустриального общества. Весьма близкие процессы одновременно происходили в пост-веймарской Германии, а также в Италии, Испании, Польше, странах Прибалтики. Обычно эти процессы связываются с формированием массового общества со свойственной ему тенденцией с приходом к власти популистов и образованием авторитарных режимов. Только со временем стала осознаваться более глубокая типологическая общность германского (гитлеровско-нацистского) и советского (сталинского) тоталитаризма, отчасти – итальянского дучизма. О социально-психологической общности моделей тоталитаризма убедительно писала Х. Арндт, позже – Э. Хоффер [Hoffer 1951]. Д. Бернхем [Burnham 1941], а вслед за ним – М. Джилас [Dilas 1957], М. Восленский [Voslensky 1984], Д. Гэлбрейт [Galbraith 1967] видели корни этой общности в «револю-

ции менеджеров», формировании нового класса (номенклатуры), то есть выходе на историческую арену наемных управленцев, распоряжающихся не своим капиталом, а собственностью крупных монополий или государственной (национализированной) собственностью. Политически это означало изначальный идейный симбиоз империализма с не менее государственноческим фабианским социализмом с перспективой конвергенции «реального социализма» и капиталистического общества массового потребления.

Ближе всего к сути дела подошли философы франкфуртской школы [Horkheimer, Adorno 1947], которые обоснованно видели эту общность в природе индустриального производства, превращающего человека в придаток машины, в роли массовой культуры и массовых коммуникаций, но главную причину видели в антигуманности рационалистического активизма.

Цивилизационный прорыв, определяющий лицо современного мира, все его достижения, перспективы и проблемы, обусловлен синтезом двух великих идей («встречей Афин и Иерусалима»): иудейского монотеизма и греческой логики. Сознание того, что мир сотворен единой волей по единому разумному замыслу и что человеку даны интеллектуальные средства и способности постижения этого замысла, Логоса как рациональной идеи, мысли, закона мироустройства – ключевой момент для понимания, почему именно в лоне иудео-христианской традиции стал возможен научно-технический прогресс. Его предпосылкой стал переход от изоциренного анализа и толкования священных текстов к осознанию возможности вопрошать саму природу, пытаться ее (опытное знание). Неспроста возникновение науки, scientia, как опытного знания, и разгул инквизиции, охота на ведьм, – процессы одновременные. Следующий шаг – через деизм – отбрасывание «гипотезы Бога» и переход к деятельности не только познавательной, но и преобразовательной, со всеми вытекающими из этого последствиями: от грандиозных научно-технических достижений до экологических катастроф и нравственного самозванства. В этом плане массовое общество в сочетании с возможностями рационально-эффективных технологий просто предрасположено к тоталитаристскому искушению власти и властью к экспериментам над природой, обществом, человеком. Важно подчеркнуть внечеловечность тотальной рациональности, которая, как и «индейская метафизика», в «гипотезе человека» не нуждается.

Стилистическое единство тоталитаристской образности нашло выражение в кинематографе Д. Вертова, Л. Рифеншталь, С. Эйзенштейна. Но антропологическую природу этого эксперимента над социумом и человеком первым выявил и прочувствовал, пожалуй, все-таки А. Платонов. Его рассказ «Мусорный ветер» первоначально назывался «В 1933 году (Повесть о судьбе одного западного человека)», по содержанию напрямую пересекается с платоновским рассказом «Усомнившийся Макар», который был резко раскритикован И.В. Сталиным, что надолго лишило А. Платонова возможности публиковаться. В 1934 г. «Мусорный ветер» прочитал М. Горький, которого рассказ настолько ошеломил яркостью описания «мрачного бреда», что он усомнился в возможности публикации рассказа вообще «где-либо» [Горький... 1963, 315]. «Классовое чутье» и политическая интуиция не подвели как «отца народов», так и родоначальника социалистического реализма. А сам А. Платонов, тонко чувствуя глубокое антропологическое родство модификаций тоталитаризма, вновь обращался к этой теме в рассказе «По небу полуночи».

В этом плане А. Платонов «потрогал нерв» метафизики и антропологии, пронизывающий человеческую жизненную активность, и выразил глубинную суть этой метафизики вполне «по-индейски», когда творящей силой становится смысл, пронизывающий все сущее и воплощающийся в людях и вещах, а производство благ оказывается рентой от этого смысла. «Творение пользы» происходит «само».

Таким образом, творчество А. Платонова предстает уроком опасности «социально-культурного инжиниринга», в котором человек играет пассивную роль пользователя «саморазвертывающейся» системы. В похожую ситуацию человечество погружается с перспективой тотальной цифровизации: Интернета вещей, искусственного интеллекта и прочих цифровых технологий.

С одной стороны, постиндустриальное информационное общество массового потребления буквально реализовало великий проект гуманизма Просвещения с его лозунгами «Все во имя человека!», «Все на благо человека!», «Человек есть мера всех вещей!». На основе рыночной экономики, технологии маркетинга на основе Больших Данных, оно в состоянии не только удовлетворить, но и стимулировать любые потребности. С другой стороны, цифровые технологии, прежде всего – искусственный интеллект, Интернет вещей, автоматизация, роботизация «зачищают» от

человека рынок труда. На глазах формируется новая антропология, когда от человека требуется не столько рассуждение и рефлексия, сколько геймерские навыки оперирования с опциями не им и за него разработанного алгоритма. Обнулились все достижения профсоюзов – сам труд становится все более прекарным, когда ответственность за предмет труда, его организацию, включая поиск клиентов, технологическое обеспечение, безопасность и т.д. возлагается на самого работника. Даже свободное время становится неотличимым от работы. Мы сталкиваемся с закономерным этапом трансформации капитализма [Болтанский, Кьяпелло 2010] – системы, ориентированной на самовозрастание капитала, с этапом его дальнейшего расчеловечивания: для цифровых платформ нет различия между вещью в системе IoT и человеком, жизнедеятельность которого сводится к активации опций.

Великий проект гуманизма Просвещения реализован, и на выходе, в результате – новая животность и вытеснение человека. Нарастающий тренд новых социальных неравенств, расслоение и зависимость от новых хозяев. Многократный контроль: над интеллектом (посредством искусственного интеллекта), эмоциями и поведением (посредством маркетинга подталкивания на основе Big Data), социализацией как таковой. Проблематичность свободы воли, самосознания, ответственности. Деграция естественного интеллекта, тенденции «киберпанка», ненужности субъекта, осмысливающего мир «в первом лице», тогда как все проблемы разрешимы за него и без него воплощениями смысла «в третьем лице» – все это заставляет по-новому перечитывать А. Платонова.

Вместо заключения

Исторический опыт показывает издержки и даже опасность абсолютизации упрощенно понимаемого рационализма. Рационалистический активизм неоднократно подвергался критике в новейшее время. Наиболее известна критика авторов франкфуртской школы, А. Швейцера [Schweitzer 1923]. Глубокому анализу с резкими оценками был подвергнут рационализм в творчестве Ф.М. Достоевского. М.М. Бахтин в ходе критики абстрактного рационализма развивал концепцию «участного мышления» как выражения ответственной сопричастности человека миру [Бахтин 2003]. В этой связи можно и следует различать, как минимум, два типа рационализма: «технологического», вос-

ходящего к античной идее «техне» (искусного искусственного преобразования реальности), и «космической», восходящей к античной идее «космоса» как гармоничной целостности мира, и поискам пути сохранения этой гармонии. Они не противостоят друг другу – первый является скорее инструментом реализации второго. А пространством их взаимодействия является самосознание личности «в первом лице».

Неспроста современные работодатели все более активно выражают запрос на обладателей softskills – навыков критического мышления, самостоятельной аргументации, поиска решений в режиме коммуникации в группе. Цифровая экономика нуждается в осмыслении от первого лица как источнике изменений и развития. А сутью самосознания является его выход за пределы данного, за рамки программы – в ее контекст, к новым горизонтам и видениям, переживаниям. Ярким примером чего, кстати, является творчество А. Платонова, которое оказывается актуальной алармизма философов франкфуртской школы критической социальной философии и современных хорроризаций цифровой постчеловечностью и трансгуманизмом. Актуальность эта обусловлена глубиной поднятых им тем и вопросов, содержание которых только начинает открываться в наши дни.

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Бахтин 2003 – *Бахтин М.М.* К философии поступка // *Бахтин М.М.* Собр. соч.: в 7 т. Т. 1. – М.: Русские словари, 2003. С. 7–68.

Болтански, Кьяпелло 2010 – *Болтански Л., Кьяпелло Э.* Новый дух капитализма. – М.: Новое литературное обозрение, 2010.

Борисова 1989 – *Борисова И.* На семи ветрах (О повести А. Платонова «Ювенильное море») // *Литература и современность.* Сб. 24–25: Статьи о литературе 1986–1987 годов / сост. и авт. предисл. А. Коган. – М.: Художественная литература, 1989. С. 153–194.

Горький... 1963 – Горький и советские писатели. Неизданная переписка (Литературное наследство. Т. 70) / ред. И.С. Зильберштейн и Е.Б. Тагер. – М.: Изд-во АН СССР, 1963.

Неретина, Никольский, Порус 2019 – *Неретина С.С., Никольский С.А., Порус В.Н.* Философская антропология Андрея Платонова. – М.: Институт философии РАН, 2019.

Платонов 1991 – *Платонов А.П.* Мусорный ветер. Повести. Рассказы. Публицистика. – Таллинн: Ээстираамат, 1991.

Платонов 2009 – *Платонов А.П.* Собрание сочинений в 8 томах. – М.: Время, 2009.

Платонов 2013 – *Платонов А.П.* «...я прожил жизнь». Письма (1920–1950 гг.). – М.: Астрель, 2013.

Полтавцева 2011 – *Полтавцева Н.Г.* Платонов и Лукач. (Из истории советского искусства 1930-х годов) // *Новое литературное обозрение.* 2011. Т.107. № 1. С. 107–118.

Тулъчинский 2018 – *Тулъчинский Г.Л.* Политическая культура России: источники, уроки, перспективы. – СПб.: Алетейя, 2018.

Шубин 1987 – *Шубин Л.А.* Поиски смысла отдельного и общего существования: Об А. Платонове. Работы разных лет. – М.: Советский писатель, 1987.

Burnham 1941 – *Burnham D.* The Managerial Revolution: What is Happening in the World. – New York: John Day, 1941.

Castro 2009 – *Castro E.V. de.* Cannibal Metaphysics. – Minneapolis: University of Minnesota Press, 2014.

Đilas 1957 – *Đilas M.* The New Class: An Analysis of the Communist System. – London: Thames and Hudson, 1957.

Galbraith 1967 – *Galbraith J.K.* The New Industrial State. – Boston, MA Houghton Mifflin, 1967.

Hoffer 1951 – *Hoffer E.* The True Believer: Thoughts On The Nature Of Mass Movements. – New York: Harper and Row, 1951.

Horkheimer, Adorno 1947 – *Horkheimer M., Adorno T.W.* Dialektik der Aufklärung. Philosophische Fragmente. – Amsterdam: Querido, 1947.

Schweitzer 1923 – *Schweitzer A.* The Decay and the Restoration of Civilization and Civilization and Ethics. – London: A. & C. Black, 1923.

Toffler 1984 – *Toffler A.* The Third Wave. – New York: Bantam, 1984.

Voslensky 1984 – *Voslensky M.* Nomenklatura: Anatomy of the Soviet Ruling Class. – London: The Bodley Head, 1984.

REFERENCES

Bakhtin M.M. (2003) On the Philosophy of the Act. In: Bakhtin M.M. *Collected Works in 7 Vols.* (Vol. 1, pp. 7–68). Moscow: Russkiye slovari (in Russian).

Boltanski L. & Chiapello È. (1999) *Le nouvel esprit du capitalisme.* Paris: Gallimard (Russian translation: Moscow: NLO, 2010).

Borisova I. (1989) On the Seven Winds (About the Platonov's Novel *Juvenile Sea*). In: Kogan A. (Ed.) *Literature and Modernity. Issue 24–25: Articles on Literature of 1986–1987* (pp. 153–194). Moscow: Khudozhestvennaya literatura (in Russian).

Burnham D. (1941) *The Managerial Revolution: What is Happening in the World.* New York: John Day.

Castro E.V. de. (2009) *Cannibal Metaphysics.* Minneapolis: University of Minnesota Press.

Đilas M. (1957) *The New Class: An Analysis of the Communist System.* London: Thames and Hudson.

Galbraith J.K. (1967) *The New Industrial State*. Boston, MA Houghton Mifflin.

Hoffer E. (1951) *The True Believer: Thoughts On The Nature Of Mass Movements*. New York: Harper and Row.

Horkheimer M. & Adorno T.W. (1947) *Dialektik der Aufklärung. Philosophische Fragmente*. Amsterdam: Querido (in German).

Neretina S.S., Nikolsky S.F., & Porus V.N. (1991) *Philosophical Anthropology of Andrei Platonov*. Moscow: Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences (in Russian).

Platonov A.P. (2009) *Collected Works in 8 Vols*. Moscow: Vremya (in Russian).

Platonov A.P. (1991) *Garbage Wind. A Story. Stories. Journalism*. Tallinn: Eestiraamat (in Russian).

Platonov A.P. (2013) "...I Have Lived a Life." *Letters (1920–1950)*. Moscow: Astrel (in Russian).

Poltavtseva N.G. (2011) Platonov and Lukach (From the History of Soviet Art of the 1930s). *Novoe Literaturnoe Obozrenie*. Vol. 107, no. 1, pp. 107–118. (in Russian).

Shubin L.A. (1987) *Searches for the Meaning of a Separate and Common Existence: About A. Platonov. Works of Different Years*. Moscow: Sovetskiy pisatel' (in Russian).

Schweitzer A. (1923) *The Decay and the Restoration of Civilization and Civilization and Ethics*. London: A. & C. Black.

Toffler A. (1984) *The Third Wave*. New York: Bantam.

Tulchinskii G.L. (2018) *Political Culture of Russia: Sources, Lessons, Prospects*. Saint Petersburg: Aletheia (in Russian).

Voslensky M. (1984) *Nomenklatura: Anatomy of the Soviet Ruling Class*. London: The Bodley Head.

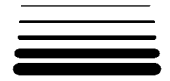
Zilbershteyn I.S. & Tager E.B. (Eds.) (1963) *Gorky and Soviet writers. Unpublished Correspondence*. Moscow: USSR Academy of Sciences Press (in Russian).

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ИЗМЕРЕНИЯ СОВРЕМЕННОЙ ЭКОНОМИКИ

Экономика и социум. Базовый доход

DOI:

Оригинальная исследовательская статья

Original research paper

Социально-философские перспективы безусловного базового дохода

А.В. Павлов

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия

Институт философии РАН, Москва, Россия

Аннотация

В статье рассматривается проблема всеобщего базового дохода (регулярная денежная выплата «каждому человеку безотносительно к уровню его нуждаемости или занятости»). Автор считает, что именно эта тема может стать одной из главных для социально-философских исследований. Отмечается, что хотя проблема волнует философов и ученых уже давно, особенно актуальной она стала лишь недавно – за последние десять лет. Называются причины: эксперименты по введению всеобщего базового дохода в западных странах; усугубление автоматизации и технологизации; трансформация экономики, которая все больше и больше приобретает прекарный характер. Автор отмечает, что тема всеобщего базового дохода стала актуальной даже в отечественной науке, однако не в социальной философии, как на Западе, но преимущественно в экономике. Утверждается, что, поскольку дискуссия о базовом доходе в экономическом измерении уже состоялась, ее необходимо развернуть и в социально-философском ракурсе. Для этого поднимаются вопросы, которые позволяют пролить свет на социально-философскую природу проблемы всеобщего базового дохода, – свобода, справедливость, социальное государство и т.д. Делается фокус на любопытных идеологических трансформациях, ставших возможными благодаря теме базового дохода. Во-первых, благодаря базовому доходу возникают новые идеологии, например, посткапитализм. Во-вторых, базовый доход сам по себе может считаться новой идеологией, представляющей собой синтез иных идео-